

УДК 070(47+57):821.161.109-95

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ МЕДИАКРИТИКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ

Е. Г. Елина, А. В. Раева

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elinaeg@info.sgu.ru

Раева Александра Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alerae@yandex.ru

В статье формулируются основания, необходимые для возникновения и развития медиакритики. На материале центральных изданий «Журналист», «Известия», «Правда», «Печать и революция» показано становление журналистской критики 1920-х гг. на фоне утверждения принципов советской журналистики, ее связь с литературной критикой, особенности медиакритического высказывания и его функции.

Ключевые слова: медиакритика, советская журналистика, литературная критика.

Forms and Functions of Media Criticism in the Soviet Russia of the 1920s

E. G. Elina, A. V. Raeva

Elena G. Elina, ORCID 0000-0002-9797-3145, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, elinaeg@info.sgu.ru

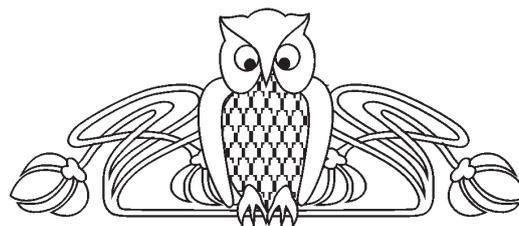
Alexandra V. Raeva, ORCID 0000-0002-8371-5794, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, alerae@yandex.ru

The article specifies the foundations necessary for the media criticism to appear and develop. On the material of the national press *Zhurnalists* (Journalist), *Izvestia* (News), *Pravda* (Truth), *Pechat i Revoliutsiya* (Press and Revolution) the formation of the journalist criticism of the 1920s is shown against the background of the Soviet journalism principles being established; its link with the literary criticism, features of a media criticism statement and its functions are indicated.

Key words: media criticism, Soviet journalism, literary criticism.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224

1920-е гг. дают вполне отчетливое представление о движении медиакритики на фоне становления и утверждения принципов советской журналистики. На материале 1920-х гг. хорошо видно, что медиакритика становится самостоятельным социокультурным явлением в те периоды истории, когда читатель, зритель, слушатель осознаются как главная сила меняющейся реальности, когда оказывается востребованной идея массовости. Понятно, что в отличие от художественной ли-

тературы, которая адресуется читателю-другу, одному, но посвященному, умеющему вступить в диалог, журналистика – это средство МАССОВОЙ информации. Однако медиакритика расцветает тогда, когда массы воспринимаются не как серая пассивная группа – реакция которой и вкусы которой вообще никому не интересны, а тогда, когда массы оказываются очень нужны власти.

Второе основание для расширения поля медиакритики – это либерализация социально-политической жизни, когда расширяются границы прежде дозволенного, границы высказывания и границы полемики.

Третье основание для бурного расцвета медиакритики – это появление новой медийной почвы – т. е. возникновение новых форм бытования медийных текстов и новых способов их распространения.

Все эти три основания, необходимые для возникновения и развития медиакритики, соединились в 1920-е гг. Не следует забывать, что во главе советского правительства стояли действующие журналисты – В. Ленин, Л. Троцкий, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Н. Степанов-Скворцов, Н. Бухарин. Каждый из них журналистике, ее теоретическим основаниям и практическому воплощению отводит самую серьезную роль. Вероятно, это явилось важным импульсом и в создании советской медиакритики.

Анализируя публикации 1920-х гг., мы пришли к выводу, что в представлении многих теоретиков и публицистов этого времени литературный и художественный текст не имеют особых различий. Впервые эта мысль прозвучала в статье В. Шкловского. «Метод работы журналиста должен быть <...> средним между методом беллетриста и ученого», – пишет Шкловский¹. Очень активно мысль о том, что труд писателя и труд журналиста имеют общие корни, что литературно-художественная и журналистская деятельность – результат одного и того же творческого процесса, проводилась в 1920-е гг. в журнале «Журналист». Главным пропагандистом этой идеи оказался Михаил Левилов. В выступлениях Левилова складывался идеальный образ газеты скорого будущего – яркой, броской, обладающей визуальными и семантическими способами воздействия на читателя. Левилов ввел в оборот как вполне положительное понятие советской желтой прессы. В 1923 г. в статье «О массовой газете» Левилов предлагает считать «желтизну массовой газеты Запада»² техническим приемом, формой «в которую можно влить какое угодно содержание»³. «Принципиальных возражений быть не может против влития красного вина в желтые мехи, против

насыщения советским содержанием буржуазной формы», – пишет Левидов. Запросы читателя со временем, по мысли Левидова, сформируют новый тип текста: «...будущая русская литература – лет этак на пятьдесят – будет литературой широкого, размашистого, красочного репортажа – без всяких... “мировых скорбей”»⁴.

Интересно, что в 1925 году «Журналист» сообщает о создании ассоциации газетной культуры⁵. На ее первом собрании присутствовали О. Брик, Г. Винокур, М. Левидов, В. Шкловский. Среди участников были названы имена С. Ингулова, М. Кольцова, А. Курса, Я. Шафира, Вяч. Полонского, В. Нарбута. Пестрый список, но основу его составляют с современной точки зрения не журналисты, а литераторы. Не случайно статьи о журналистике печатались одновременно в «Журналисте» и литературных журналах.

О журналистике как литературе, о журналисте как писателе и необходимости обеспечить читательскую направленность журналистского текста говорил В. Маяковский, много писали левовцы. Эта тема волновала и напостовцев. Так, например, В. Перцов утверждал: «Революция делала из художников слова социально полезную вещь»⁶.

Восприятие художественно-литературного явления с точки зрения его социального статуса – важнейшая черта всех эстетико-идеологических постулатов большевизма. Однако дело не только в этом. Работая в дооктябрьский период и в первые послеоктябрьские годы преимущественно с безграмотной или малограмотной рабочей массой, большевики намеренно отказывались от разделения литературы на художественную и газетно-публицистическую. Идеи были важнее формы, прямая адресация-пропаганда существенно подтекста и выразительных средств, обращение к массе значительнее апелляции к сочувствующему читателю-одиночке. Публицистика газетного слога в этих условиях ценилась значительно выше, чем изысканный текст художественной словесности. По мере ликвидации неграмотности организаторы процесса приобщения обучившихся чтению масс к литературе не стали радикально перестраиваться. Они лишь расширили спектр чтения для новообращенной публики и усилили влияние на нее той части литературной критики, которая помогала широкому читателю выявлять именно социальный пафос текста. В этой ситуации различие художественной и газетно-журнальной литературы тоже не становилось актуальным.

Именно в 1920-е гг. массовая критика начинает активно цитировать статью В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», написанную в 1905 г. и имеющую отношение исключительно к партийной публицистике. Нарочитое неразличение литературы и журналистики было связано, по-видимому, с напостовскими установками на «литературу факта» – т. е. с огромным желанием ликвидировать границу между искусством и действительностью.

Проблемы взаимодействия литературы и журналистики постоянно обсуждались на страницах газеты «Правда». Любопытно, что самодеятельные журналисты (рабселькоры) именуют себя и своих коллег писателями, говорят о трудностях «писательского ремесла», о сложностях газетной (писательской) работы. В 1920 г. одна из основательниц советской печати М. И. Ульянова писала в «Правде» о необходимости создания «литературных коллегий», которые объединяют начинающих журналистскую деятельность рабочих. Рабочие, по мысли Ульяновой, пишут, «а сотрудник редакции обрабатывает материалы»⁷.

Следует специально подчеркнуть, что в 1920-е были сформированы общие основания для литературной и журналистской критики. Кроме того, газетный текст должен был играть роль воспитателя человека не только с новым мировоззрением, но и приверженца новой культуры и новой эстетики.

Концептуально разработал систему советских СМИ, определил структуру редакций, заявил о необходимости учитывать классовые и возрастные интересы читающей публики Троцкий. Ему принадлежит идея создания первого в стране института журналистики (ГИЖ), в работе которого он принимал деятельное участие, а когда начал функционировать первый профессиональный журнал для журналистов, Троцкий стал его куратором и постоянным автором. Литературно-критические оценки Троцкого всегда вписаны в социальный контекст и спроецированы на газетные и журнальные высказывания сторонников или противников большевизма. В связи с этим книгу Троцкого «Литература и революция», как и многие его статьи о газетной печати, о роли журналиста в новую эпоху, о значении рабкорского движения можно расценивать как формы медиакритики.

Специального внимания заслуживают медиакритические выступления журнала «Журналист». В середине 1920-х гг. это было либеральное издание, публиковавшее материалы не только «своих», но и тех, кто не принадлежал к большевистскому клану (например, статьи Исайи Лежнева). Журнальные публицисты, обозреватели, постоянные авторы и случайные корреспонденты постоянно писали о новых явлениях, сопровождающих процесс становления журналистики. В статьях и заметках П. Керженцева, М. Левидова, Я. Шафира, К. Радека и других известных публицистов открыто говорится о партийной дисциплине журналиста, о «директивном характере наших газет», о необходимости проведения партийной линии в советской публицистике. Один из первых редакторов журнала С. Ингулов⁸ был убежден в том, что газета «в руках класса – это многодумовая батарея против классового противника»⁹, что журналист всегда агитатор и что «парус журналистики может надуваться только крепким ветром политики»¹⁰. Таким образом складывался портрет советской журналистики, искусства жесткого, идеологически предустановленного, адресованного большим массам людей, объединенных общими

устремлениями. Формат медиакритики тоже был определен устойчивыми параметрами: классовая принадлежность журналиста, классовый характер публикации, адресация публикации.

Многие авторы «Журналиста» пишут о недостатках советских газет, об их пустозвонстве, заштампованности, отсутствии заботы о читателе. Постоянные авторы журнала размышляют о роли сенсации в газете, о газетных жанрах, об элементах «желтизны», о расстановке материалов на газетной полосе. Серьезно и глубоко пишет журнал о специфике журналистского труда. В связи с этим так или иначе возникает вопрос о границах свободы в журналистике, о степени зависимости газетчика от фактуры материала, о том, что журналист является важнейшим элементом идеологической доктрины. Писали и об убийствах журналистов за их профессиональную деятельность, и о необходимости преподавать газетоведение в школах (еще в 1922 году!), и о специфике именно советской журналистики в противопоставлении буржуазной.

Еще раз отметим, что авторами многих публикаций в «Журналисте» являлись знаковые для 1920-х гг. литературные критики: Вяч. Полонский, А. К. Воронский, В. П. Правдухин, А. Лежнев, С. М. Городецкий, которые так или иначе откликнулись на стиль и содержание советских газет. Важнейшим проявлением медиакритики 1920-х гг. становится журнальная борьба этого времени. Споры между литературными группами, течениями, направлениями выливались в ожесточенные полемические бои, центральной темой которых становились пути развития советской литературы.

Пожалуй, в этот период не было ни одного литературно-художественного или общественно-политического журнала, который бы не давал образцов медиакритики. Наиболее полно картина журнальной и газетной жизни представлена в журнале Вяч. Полонского «Печать и революция». В аннотациях, чья жанровая специфика не требует оценки, оценочность, как правило, есть. И эта оценочность придает публикациям «Печати и революции» характер медиакритики. В большинстве таких публикаций содержится назидание читателю по поводу необходимости читать, прорабатывать, принять как руководство к действию или вообще отказаться от чтения.

Анализируя становление медиакритики советского периода, необходимо остановиться на собственно газетных публикациях. Особенности медиакритического сознания 1920-х гг. представлены в одной из двух центральных газет этого времени — «Известиях». Обратимся к этому изданию, начиная с того времени, когда газета стала называться «Известиями» и являлась органом ЦИК СССР и ВЦИК.

Основная масса критических обзоров прессы и журнальных публикаций помещается под рубрикой «Критика и библиография», которая представлена практически в каждом газетном номере. Главная задача рубрики состояла в рекомендации широкому кругу читателей качественной популярной и

просветительской литературы, поэтому здесь редко встречаются резко отрицательные оценки. Предпочтение отдавалось не толстым литературным журналам, которые разбирались в отдельных развернутых публикациях¹¹, а специализированным изданиям: «Сберегательное дело», «Каторга и ссылка», «Красный архив», «На путях к новой школе», «Красная летопись», «Антирелигиозник» и т. д.

Так как для рассмотрения выбираются, по мнению рецензентов, журналы, содержащие ценные материалы, лучшие журналы в своем тематическом секторе, большинство обзоров периодической печати оканчивается призывом: «надо пожелать, чтобы в нашей, по преимуществу аграрной стране, журнал получил еще большее распространение»¹² («На аграрном фронте»), «широкая дорога прекрасному журналу!»¹³ («Научный работник»).

Порой отклики приобретали рекламный характер. На базе «Известий» вышло несколько изданий, в их числе был толстый литературный журнал «Новый мир». Газета не только регулярно размещала анонсы номеров и объявления о подписке, но и представляла годовые обзоры¹⁴.

Важной функцией медиакритических высказываний в «Известиях» становилась контролирующая. Обнаруживая частные недостатки периодических изданий: отсутствие общей идеи, недостаточность исследовательских статей, слабость библиографического отдела и т. д., газета пристально следила за их исправлением, фиксируя положительные изменения в регулярно публикуемых рецензиях на разные номера одного издания в течение нескольких лет. Так, в 1927–1928 гг. в рубрике прослеживался путь превращения «Пролетарской революции» «из сборника материалов в орган изучения истории нашей партии и революции»¹⁵.

В конце 1920-х гг. рубрика «Критика и библиография» перестанет быть регулярной, из нее практически исчезнут журналы, уступая место обзорам книг и рекомендательным спискам («Что читать по истории февральской революции», «Что читать к 9-ой годовщине Красной Армии», «Литература о женском движении», «Что читать ко Дню печати» и т. д.).

В 1923–1924 гг. газета ведет еще одну постоянную рубрику — «На местах» с подзаголовком «Жизнь провинции». Здесь публиковались заметки собственных корреспондентов «Известий» в разных городах и республиках страны. «Известия» внимательно следили за жизнью провинциальных газет. В публикациях сообщалось о повышении тарифов, о вздорожании бумаги, о трудностях, которые переживают местные газеты в условиях НЭПа. «Для большинства провинциальных газет решается вопрос “быть или не быть”, и естественно, что газеты принимают героические меры к самосохранению. Они взывают к советским и партийным организациям. Они зовут читателя и откровенно рассказывают о своей великой нужде и о своих “хождениях по мукам”»¹⁶. Корреспонденты пишут о необходимости увеличения тиража

местных газет, для чего следует вести обширную пропагандистскую кампанию по подписке на эти газеты. «Известия» приводят примеры того, как журналисты на местах придумывают способы распространения газеты: это коллективные подписки, проведение месячников печати, чтение газеты вслух на рабочих местах. «Известия» постоянно сообщают о таких провинциальных газетах, как «Крестьянская правда» (Луга), «Саратовские известия», «Пролетарская правда» (Киев), «Воронежская коммуна», «Бакинский рабочий». Остро ставится вопрос о границах критики, которую могут позволить себе авторы статей в адрес начальства. Рассказываются истории, в которых герои фельетонов или разоблачительных статей угрожают журналистам. По этому поводу известинский автор пишет: «Держимордам у нас не место. Авигиевы конюшни нашего советского Пошехонья пока еще, к сожалению, требуют своего Геркулеса. И красный корреспондент – этот Геркулес – должен быть уверен, что в его героической борьбе с компомпадурством, мракобесием, хулиганьем, жульничеством, личная его безопасность будет обеспечена»¹⁷.

Стоит обратить внимание на изобилие в медиакритических публикациях «Известий» литературных образов, апелляций к литературным мотивам и героям. Много пишется о рабкоровском движении, просветительской роли печати, появлении специализированных изданий, неразрывной связи советской прессы и читательских масс. Пролетарскую прессу известинцы воспринимают как весомую часть пролетарской культуры.

Одна из центральных тем медиакритики «Известий» – тема сравнения советской и буржуазной журналистики. Эти сопоставительные характеристики дают отчетливое представление о том, как позиционирует себя советская печать в середине 1920-х гг. Примеры своего рода автокритики очень выразительны, они исполнены пафоса гордости, чувства превосходства, уверенности в правильности избранного пути. «Она ворвалась в буржуазный мир! Буквально ворвалась! Об этом говорят и наши друзья, и наши враги. Они лучше всего свидетельствуют о великой мощи нашей советской коммунистической печати»¹⁸.

Излагая материалы Четвертого Всероссийского съезда работников печати, «Известия» вновь подчеркивают могущество и влияние советской печати. Один из докладчиков, известный литератор и журналист И. Вардин говорит: «Белая печать, которую с полной справедливостью можно назвать белой гильдой, еще недавно радовалась, что красная печать умирает. Мы сегодня на этом съезде, не обманывая ни себя, ни других, можем сказать: красная печать не умирает, красная печать растет, живет, идет вперед. Мы имеем миллионы читателей рабочих, крестьян и красноармейцев, мы имеем десятки тысяч рабочих и крестьян активными работниками нашей печати. Мы сегодня можем заявить, что на фронте просвещения мы побеждаем, мы победим и дадим миру новые образцы»¹⁹.

Н. И. Бухарин, в то время редактор «Правды», говоря о выразительности, краткости и меткости советских газет, указывает на то, что с течением времени должен меняться язык и стиль советских газет: «Сейчас нельзя выходить с общей фразой, потому что она никого не удовлетворяет, нельзя выезжать на громком выкрике, так как он бессильно повиснет в воздухе. Сейчас от нас требуют точных знаний и советов, которые могли бы непосредственно привести к какому-нибудь непосредственному результату»²⁰.

Проявления медиакритического творчества мы видим и в тех публикациях, которые касаются анализа западной прессы. В большинстве случаев это суммарная негативная оценка буржуазного словотворчества. Между тем появляются и публикации, содержащие оценочный анализ зарубежных газет. Так, например, «Известия» печатают большой обзор американской и британской прессы, показывая специфику каждой. Автор статьи говорит и о разных способах подачи новостей, и о различиях в традиции подачи заголовков, и об особенностях шрифтов и верстки.

«Английская газета, – пишет автор, – предназначена к покойному чтению человеком, медленно пережевывающим завтрак в тихом углу клуба, или банкиром, развалившимся в кожаном кресле, почти засыпая, или же деревенским священником, усевшимся в плетеном кресле под зеленой сенью беседки. Американская же газета создана для читателя, висящего где-нибудь на ремне, мчащегося с гулом подземного экспресса, или для завтракающего где-нибудь у прилавка, стоя на одной ноге; или же для человека, которого и стригут, и бреют, и завивают в течение каких-нибудь двух минут; или для пациента, которому дантист готовится вырвать зуб»²¹. Автор замечает, что если в американской журналистике излюбленные словечки – «висельник», «бешеная гонка», «камера смерти», то англичане предпочитают такие обороты, как «особа сомнительного характера», «автомобильная езда с чрезмерной скоростью». «Когда фургон, развозящий молоко, столкнется с тележкой угольщика, мы пишем, что “колесница жизни ударила в телегу смерти”», – отмечает автор публикации. Такие аналитические статьи были редкими в «Известиях», однако их появление свидетельствует о том, что советская журналистика, обращаясь к методам медиакритики, начинала рефлексировать и извлекать уроки журналистского мастерства даже из буржуазной печати.

С обострением международной обстановки во второй половине 1920-х гг. «Известия» перестают публиковать теоретические обзоры западной прессы, направленные на освоение молодой советской печатью заграничного опыта. Если ранее со страниц центральной и региональной периодики звучал призыв Л. Троцкого «нам нужны журналисты, которые с изобретательностью американского репортера сочетали бы честную советскую душу»²², то теперь подчеркивается категорическое размежевание двух типов журналистики: «Единственное назначение буржуазной печати заключается в том, чтобы

скрывать правду от широких масс, устранять их от всякого влияния на государственные дела, на советскую печать ложится почетная, но вместе с тем трудная задача – вовлечения миллионов и десятков миллионов трудящихся в самые различные отрасли советского строительства²³.

«Известия» регулярно знакомят своего читателя с материалами западных СМИ. На первой полосе международные сообщения часто подаются в зеркале прессы («Кампания польской печати в защиту вооружений», «Французская печать о выборах», «Германский официоз о лондонской поездке Бенеша», «Фантастические измышления “Нью-Йорк Таймс”», «Вся мировая пресса признает большой успех СССР»). Столкновение советских публикаций с материалами западных изданий, в которых, по мнению советских обозревателей, замалчиваются важные события или даются ложные оценки, обнажало истинную сущность «свободных» газет. «Великая война словом»²⁴ – такое определение получает противостояние советской и буржуазной прессы.

К концу 1920-х гг. на страницах печати формируются образы героев и антигероев «войны словом»: предателем советских интересов оказывается бывший московский корреспондент либеральной немецкой газеты «Berliner Tageblatt» Пауль Шеффер²⁵, когда в 1929 г. ему было отказано в возвращении в СССР, он из пропагандиста советского строя превратился в его обличителя. Героем можно назвать итальянского журналиста коммуниста Эдмондо Пелузо, заочно приговоренного фашистским трибуналом к 12 годам заключения за корреспонденции в «Известиях ЦИК СССР». Он дает самую высокую оценку советской прессе, подчеркивая ее международное значение: «Всюду, где есть угнетатели и угнетенные, сведения, идущие из советской прессы, являются естественным противоядием против той отравы, которую распространяют буржуазные газеты»²⁶.

Многие проблемы печати, связанные с вопросами технического отставания от Запада, журналистских кадров, методов подачи материала журналистами, во второй половине 1920-х гг. ощущаются как решенные²⁷, а сама система советских СМИ воспринимается как сложившаяся²⁸. Актуализируются они применительно к активно развивающемуся новому типу СМИ – радио²⁹.

Безусловно, влияние на медиакритику оказало осознание советской журналистикой себя как самобытного явления. Это происходило путем формирования ее истории. Важной вехой можно считать 1927 год, на который, кроме празднования 10-летия Октябрьской революции, пришлось несколько юбилеев: 10-летие «Известий», 15-летие «Правды», 5-летие советского читателя. В номерах «Известий», посвященных собственному юбилею и Дню печати, который отмечался в день выхода газеты «Правда», прочерчивается история советской журналистики, о чем свидетельствуют названия материалов: Киселев А. «О печати в советском государстве», Ингулов С. «Орудие социалистического

строительства», Керженцев П. «Первые годы “Известий”», Малкин Б. «“Известия” в Октябрьские дни», Заславский Д. «Февральские “Известия”», Криницкий К. «История “Известий” – история диктатуры пролетариата». Мысль, объединяющая все публикации, – «путь нашей печати – путь нашей партии»³⁰, а «путь “Известий”», это – не только путь советской власти, но и путь советской журналистики»³¹. В мае 1928 г. СССР представляет свои достижения на международной выставке «Пресса» в Кельне.

Во второй половине 1920-х гг. журналист позиционируется как важнейший участник социалистического строительства. Газета должна организовывать общественные смотры, собрания на заводах, фабриках, предприятиях. Задача журналистской критики – отслеживание исполнения печатью организаторских функций и контроль за тематикой изданий. Так, журналист «Известий», разбирая пачку газет за 18 декабря 1929 г., среди которых «Челябинский рабочий», «Красная Башкирия», пермская «Звезда», самарская «Волжская коммуна», «Ижевская правда», с горечью отмечает, что о сельскохозяйственной кампании в них или ни слова, или только общие фразы³².

Часто «Известия» обращаются к положительному опыту газет, мобилизующих трудящиеся массы на важные государственные инициативы. Например, в статье С. Ингулова «Орудие социалистического строительства» даны примеры центральных и периферийных изданий, в согласии с профсоюзами и под руководством партии проводящих собрания крестьян, кочегаров, совещания о туризме и т. д., ведь «печать – не самостоятельное, самодовлеющее литературное дело, а часть общей работы партии и всей советской общественности»³³.

Активная организационная деятельность изданий, выполнение ими функций административных структур, по сути, не были прописаны в декретах и других законодательных актах. По мнению советского журналиста, печать в этом и не нуждается, «повседневная пресса не заботится о том, чтобы знать юридические пределы своих полномочий, она свою конституцию выработала самостоятельно, в процессе становления пролетарского государства»³⁴. Формулируется эта «конституция», на наш взгляд, как раз в медиакритических высказываниях, представляющих собой не набор мнений и субъективных оценок, а директивные указания вне зависимости от того, в какой форме они даются. Это может быть журналистский фельетон, рецензия на новую книгу, доклад партийного функционера или сообщение ЦК.

1920-е гг. сформировали многие принципы советской медиакритики, основанные на идее о том, что газета – это прежде всего воспитатель. И вся медиакритика вплоть до 1980-х г. свой полемический пафос направляет именно в сторону читателя. В журналистике в целом, в отдельных ее текстах медиакритика ценит то, что может благотворно повлиять на читателя, сделать его лучше. Медиакритика советского времени начиная с 1920-х гг.

всегда насыщена дидактически и в основе своей имеет морализаторский пафос.

С уходом из социальной, а потом и из реальной жизни крупных деятелей, определявших движение словесной культуры в 1920-е гг., усиливался водораздел между литературой и журналистикой, и пути литературной и медиакритики начинают расходиться. Литературные критики вернулись к медиакритике лишь в 1960-е гг., а многие процессы, происходившие в литературной критике, начиная с этого времени, рифмуются и с медиакритикой.

Примечания

- ¹ Шкловский В. О писателях, журналистах и полуразрушенных трупах // Журналист. 1923. № 15. С. 26.
- ² Журналист. 1923. № 3. С. 25.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Журналист. 1925. № 3. С. 56.
- ⁶ Перцов В. Вымышленная фигура // На посту. 1924. № 1 (5). Стб. 216.
- ⁷ Правда. 1920. 28 апр.
- ⁸ Ингулов Сергей Борисович (1893–1938) – один из первых соредкторов журнала «Журналист», первый редактор «Учительской газеты», работник Агитпропа ЦК ВКП(б), автор множества газетных и журнальных статей.
- ⁹ Журналист. 1924. № 9. С. 23.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Так, резкой критике на страницах «Известий» подвергся возрожденный журнал «Новый ЛЕФ» (См.: Ольшевец М. Почему «Леф»? // Известия. 1927. 28 янв.; Полонский В. Заметки журналиста: Леф или блеф? // Известия. 1927. 25 и 27 февр.). В 1929 г. резко негативно Г. Рыклин оценил украинский журнал «спиралистов» «Авангард» (См.: Рыклин Г. Авангард пошляков // Известия. 1929. 22 нояб.). Рассуждения о советском типе толстого литературного журнала см.: Полонский В. О советском толстом журнале // Известия 1927. 5 мая.
- ¹² Уваров В. «На аграрном фронте» [Рец.] // Известия. 1927. 6 янв.
- ¹³ Ферсман А. «Научный работник» [Рец.] // Известия. 1927. 30 янв.
- ¹⁴ Так, в обзоре за 1926 г. «Известия» высоко оценивали качество журнала, «сумевшего нащупать путь к своему читателю» (М. О. «Новый мир» [Рец.] // Известия. 1927. 1 янв.

- ¹⁵ Малаховский Вл. «Пролетарская революция» [Рец.] // Известия. 1928. 8 мая.
- ¹⁶ Г. Н. Еще о нашей прессе // Известия. 1923. 10 янв.
- ¹⁷ Пестровский. Наша печать // Известия. 1923. 19 янв.
- ¹⁸ Б/н. Советская печать на Пражской выставке // Известия. 1923. 27 янв.
- ¹⁹ Известия. 1923. 7 февр. Заметим, что «Известия» практически не дают анализа белой печати (в отличие от газет, издаваемых в мире капитализма). Так, Г. Рыклин в фельетоне «Слово о дряни» подчеркивал: «Мы никогда не унижаемся до полемики с белыми газетами» (Известия. 1929. 16 окт.). О белой печати говорили только суммарно, в целом, как о некоем едином полотне, на котором не различимы ни отдельные авторы, ни отдельные издания.
- ²⁰ Известия. 1923. 7 февр.
- ²¹ Зеленопольский Н. Кое-что об американской и английской печати: от нашего специального лондонского корреспондента // Известия. 1923. 6 сент.
- ²² Троцкий Л. Кончик большого вопроса // Правда. 1923. 4 апр.
- ²³ Б/н. Советская печать – организатор трудящихся масс // Известия. 1927. 5 мая.
- ²⁴ Заславский Д. Великая война словом // Известия. 1927. 5 мая (выражение принадлежит Дж. Эштон из «Спектатора» (The Spectator)).
- ²⁵ Б/н. Выпады Шеффера против СССР // Известия. 1929. 29 нояб.
- ²⁶ Пелузо Э. Советская пресса и международный пролетариат // Известия. 1927. 1 марта.
- ²⁷ Символическим событием в деле технического оснащения советской прессы можно назвать переезд «Известий» в специально построенное 7-этажное здание в 1927 г.
- ²⁸ Особое внимание во второй половине 1920-х гг. уделяется проблемам печати на национальных языках.
- ²⁹ По сообщению «Известий», в 1928 г. по всему Союзу более 80 радиогозет, больше двух миллионов радиослушателей (См.: М. О. Газета у микрофона // Известия. 1928. 5 мая).
- ³⁰ Ингулов С. Коллективный организатор // Известия. 1927. 5 мая.
- ³¹ См.: Литовский О. Перелистывая комплект // Известия. 1927. 13 марта.
- ³² См.: Б/н. Еще о газетных аттракционах // Известия. 1929. 25 дек.
- ³³ Ингулов С. Орудие социалистического строительства // Известия. 1927. 13 марта.
- ³⁴ Ингулов С. Без декрета // Известия. 1928. 5 мая.

Образец для цитирования:

Елина Е. Г., Раева А. В. Формы и функции медиакритики в Советской России 1920-х годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 219–224. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224.

Cite this article as:

Elina E. G., Raeva A. V. Forms and Functions of Media Criticism in the Soviet Russia of the 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 219–224 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224.